

АЛЕКСАНДР СПАРТАКОВИЧ СЕНЯВСКИЙ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт Российской истории РАН (Москва, Российская
Федерация)

senyavsy@yandex.ru

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ФЕНОМЕНА МАССОВОГО ГЕРОИЗМА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Анализируется роль идеологии и пропаганды в формировании феномена массового героизма советских людей в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Идеология, пропаганда, советские люди, массовый геройзм

Содержание понятия «героизм» включает несколько неотъемлемых признаков: одновременно определенный тип социального поведения (жертвенное в интересах социума) и его высочайшую позитивную оценку со стороны социума. Причем это поведение, выходящее из общего ряда, достаточно редкое. Еще реже – проявление коллективного геройства, остающееся в памяти потомков, иногда – всего человечества (например, «триста спартанцев» – античных героев Греции в войне с Персией). Явление же массового геройства поистине уникально для человеческой истории. Таким явлением стал феномен массового геройства в период Великой Отечественной войны. Чрезвычайная ситуация судьбоносной для страны войны с беспощадным врагом сплотила советских людей в их общем сознании выбора: или война до победы, или гибель. В полной мере это сознание пришло не сразу, а после жестоких поражений начала войны, зверств немецко-фашистских оккупантов на занятых ими территориях по мере продвижения вражеских полчищ вглубь страны.

К началу войны морально-психологическая ситуация в обществе была сложной и разнообразной. И в ее складывании было несколько измерений: социальное, возрастное, идеологическое, психологическое и др.

Социальное измерение. Революция, Гражданская война, двадцать лет советской власти с переходом от политики военного коммунизма к нэпу и к форсированному строительству социализма, с мобилизационной моделью экономики, с далеко не добровольной колlettivизацией, ускоренной индустриализацией, культурной революцией, уравнительными тенденциями в распределении и т. д., – все это радикально «перепахало» постреволюционное российское общество. С одной стороны, ликвидация прежних элитарных слоев во многом нивелировала социальную структуру, поставила человека труда на вершину социальной пирамиды (которая оказалась перевернутой), открыла шлюзы для мощной социальной мобильности низов и повышения их социального статуса. С другой стороны,

в стране на разных этапах революционного процесса оказалось немало людей, понесших ущерб от новой политики, – «бывших», лишившихся родственников, прав, собственности, а нередко и средств к существованию, раскулаченных, репрессированных, выселенных и сосланных в отдаленные регионы и т. д. (что стало одним из источников такого весьма масштабного явления в годы войны, как коллаборационизм). Категории обиженных советской властью были разнообразны – от аристократов до бывших коммунистов. И хотя общество не было социально монолитным, но было намного более социально однородным, нежели перед Первой мировой войной, мотивы участия в которой для десятков миллионов людей были весьма невнятны. Теперь их дети были готовы защищать «завоевания Большого Октября», свою страну и свою власть. И Красная армия была действительно народной, а не сословной, кастовой, как до революции.

Демографическое (возрастное) измерение. К началу войны при советской власти выросли целые поколения молодых людей (1922–1927 годов рождения), которые, собственно, и вынесли на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны. Кадровая армия была в основном выбита, полегла, попала в плен в первые месяцы войны, и мальчишки 18–20 лет составили костяк армии, отбрасывавшей врага на запад, вплоть до Берлина. Это было поколение людей, уже вкусивших плоды революционных преобразований и получивших советское воспитание, а значит, и соответствующее мировоззрение, в основе которого лежали коммунистическая идеология, советский патриотизм, установки готовности к самопожертвованию – «и в труде, и в бою».

Идеологическое измерение. Идеология представляет собой систему идей, ценностей, норм, идеалов и содержательных установок, выражают их социальные интересы. Она является частью общественного сознания. Основными каналами распространения идеологии в обществе являются институты воспитания, образования и средства массовых коммуникаций. Формирование в XX веке государств с монополией на власть одной

массовой партии, как это произошло и в Советской России, утвердило монопольное положение одной идеологии. Она имела разные названия, отражавшие различные ракурсы ее самопрезентации: марксистско-ленинская, пролетарская, советская, социалистическая, коммунистическая, единственно научная и т. д. За этими самоназваниями стояли определенные реалии, хотя, естественно, они отнюдь не были полностью ей адекватны. Содержание советской идеологии отнюдь не оставалось неизменным. Так, за два десятилетия, к началу 1940-х годов, произошло смещение акцентов с одних элементов идеологии на другие. Например, идеи мировой революции постепенно отошли на второй план, возобладала концепция о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, а мировое революционное и пролетарское движение при сохранении прежней фразеологии стало рассматриваться как инструмент обеспечения государственных интересов СССР. Влияла на идеологию и текущая политическая конъюнктура. Так, активная антифашистская пропаганда начала – середины 1930-х годов была свернута с момента сближения СССР и Германии летом 1939 года.

Идеология, безусловно, влияла на мировоззрение десятков миллионов людей, особенно молодого поколения советских людей. Советский человек и, в частности, советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии, через призму которой формировалось его отношение к различным сторонам жизни в своей стране и в мире. Через эту призму они пытались воспринимать врага, вычленяя рабочего и крестьянина из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но были и более глубинные, выработанные столетиями механизмы национальной психологии русского народа и народов, включенных в его цивилизационную орбиту, и в их ряду – способность морально-психологической мобилизации в условиях внешней угрозы. Целенаправленная идеологическая подготовка к войне не противоречила этим архетипическим механизмам, а наоборот, накладываясь на них, оказывала весьма эффективное воздействие, формируя у населения психологическую установку на готовность к отпору внешней агрессии. С началом Великой Отечественной войны эта установка оказалась способной относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для мобилизующей функции факторов: неожиданная смена и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как союзник, не собирающийся нападать на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценка собственных сил и возможностей и недооценка потенциального противника; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы, и

особенно Германии, в случае внешней агрессии и др. Эти надежды на классовую сознательность германского пролетариата были мгновенно развеяны с началом фашистской агрессии. Ответом на нее стал всплеск патриотических настроений, который, несомненно, явился одним из решающих факторов перелома хода войны. Сотни тысяч добровольцев готовы были отправиться на фронт. Традиционным для судьбоносных войн России, когда на ее территорию вторгался агрессор, было и создание народных ополчений.

В отличие от Первой мировой, справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет война, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий. Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. Кроме того, характер фашистской агрессии, направленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм.

Еще в самом начале войны властью была найдена та патриотическая тональность, которая сохранилась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране. Существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, на единство власти, армии и народа [13; 16–19].

Начало Великой Отечественной войны обозначило период существенной трансформации советской идеологии, вызванной угрозой существованию советского государства и сформировавшейся системы, а вследствие этого – необходимостью мобилизации дополнительных внесистемных ресурсов. В области массового сознания эти ресурсы лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была либо инкорпорировать их в свой состав, одновременно ассимилировав их в соответствии со своими общими системными принципами, либо самой мимикрировать под эти ресурсы, инсценировав замещение старых элементов на новые, с последующим отказом от инноваций, когда угроза системе ушла в прошлое. Обе тенденции предполагали перенесение акцента с классовости на государственно-патриотические идеи, с «пролетарского интернационализма» на национально-государственные ценности, обращение к историческим национально-государственным традициям, национальному самосознанию и религиозному сознанию. Даже ключевой про-

пагандистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был вытеснен лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Потери советских войск были огромны. Уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн км² – в три раза больше территории Франции [8; 55–56].

Война приобретала характер смертельной схватки с врагом не только существовавшей системы и государства, но и населявших Советский Союз народов, действительно становилась Отечественной и национально-освободительной [11; 264]. Классовые лозунги заменялись патриотическими. В тяжелейший период начала войны, ставший шоком для страны, народа и власти, И. В. Сталин обратился к национальным чувствам русского народа, назвав войну против фашистской Германии великой, всенародной, Отечественной, а в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, вспомнил ключевые имена деятелей русской истории: Александра Невского, Дмитрия Донского, К. Минина, Д. Пожарского, А. Суворова, М. Кутузова [2; 15, 40].

К концу ноября 1941 года наступательный порыв вражеских войск иссяк, они перешли к обороне. Главная цель начального периода войны – «Выстоять!» – была выполнена в значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа. В битве под Москвой войска Красной Армии победили превосходящие по численности в 1,4–1,6 раза силы противника [4, 123]. Таким образом, истоки победы были заложены уже в самом начале войны, когда врагу не удалось сломить моральный дух народа (подробнее см. [10; 18–28]). На следующем этапе, ставшем переломом не только в ходе войны, но и в настроении народа и армии, начавшееся изгнание из страны немецко-фашистских войск несло своего рода духовное очищение.

Смена идеологических акцентов проявлялась не только в вербализированной форме: в речах, лозунгах, пропагандистских клише. Она, можно сказать, овеществлялась в различных вариантах. Были учреждены воинские награды, носившие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев: ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, медаль Ушакова. Солдатский орден Славы и по своему статусу, и по внешнему оформлению (наличию георгиевской ленточки) стал аналогом дореволюционного Георгиевского креста. Еще 18 сентября 1941 года приказом наркома обороны СССР Сталина некоторые дивизии за боевые подвиги были переименованы в гвардейские, им были вручены особые гвардейские знамена [7; 41–42]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 года для личного состава РККА были введены новые знаки различия – погоны [3; 451].

Введение формы, напоминающей дореволюционную, возвращение золотых погон вместе со

словом «офицер» являлось символичным изменением отношения к русским воинским традициям и к русскому офицерству [6; 310]. Характерно, что оно совпало с периодом разгрома фашистов в Сталинградской битве. Не случайно это нововведение, став внешним знаком явного перелома в ходе войны в пользу советских войск, нашло существенный отклик в массовом сознании. Согласно агентурным данным органов госбезопасности, реакция военнослужащих на введение новых знаков различия была в основном одобрительной [3; 366]. Командный состав советских войск был объявлен «носителем лучших традиций русского офицерства» [6; 310]. Конечно, во многом это были всего лишь внешние атрибуты, но обозначенный властью поворот имел принципиальное значение. Шарль де Голль в своих мемуарах писал: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси» [9; 62].

Смещение акцентов на патриотические мотивы затронуло национальные отношения. Советский патриотизм в устах Сталина и его окружения все больше приобретал не только государственный оттенок. Если в начале войны Сталин говорил, что фашизм ставит своей целью восстановление царизма и власти помещиков, а также разрушение национальной культуры и государственности народов СССР, перечисляя почти все титульные нации [2; 13], то в дальнейшем он все чаще обращался именно к русскому народу, к его традициям, героическим событиям и историческим символам, а после разгрома фашистской Германии, особо отмечая жертвенность, стойкий характер и терпение русского народа, провозгласил тост за его здоровье, «потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» [2; 196]. По оценке митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, «знаменитый сталинский тост на победном банкете – “за великий русский народ”, как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии» [9; 81].

В мае 1943 года во многом под давлением западных союзников было принято решение о роспуске Коминтерна. Вместе с тем это отражало фактический провал идеологии пролетарского интернационализма. Однако на протяжении войны национальный аспект советской идеологии, в том числе и в отношении к врагу, в первую очередь к немцам, существенно менялся. Если в самые трудные для СССР дни войны от лозунгов интернационализма перешли к откровенному призыву «Убей немца!» и на уровне агитационно-пропагандистской работы в войсках он оставил-

ся актуальным вплоть до заключительного этапа войны, то в «большой политике», ориентированной на имидж СССР за рубежом и перспективы послевоенного устройства, была более адекватной фраза из Приказа наркома обороны № 55 от 23 февраля 1942 года: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [2; 46].

В конце войны, когда советские войска вступали на чужую, в том числе германскую, территорию, второй подход стал особенно актуальным: требовалось радикально переломить антинемецкие настроения в войсках, подчеркнуть значение освободительной миссии Красной армии по отношению к другим народам Европы, и идеи интернационализма постепенно реанимировались. В апреле 1945 года были предприняты специальные пропагандистские акции и командные директивы, направленные на изменение отношения войск к населению Германии. Так, 14 апреля в газете «Правда» начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров выступил с критикой Ильи Эренбурга «за антинемецкий характер его статей», в которой немцы изображались как «единая колоссальная шайка», а 20 апреля вышла Директива Ставки Верховного главнокомандования, в которой требовалось изменить отношение к военнопленным и гражданским немцам на более гуманное [5; 18, 275].

Другим аспектом идеологической трансформации стала область религиозного сознания. После длительной полосы воинствующего атеизма, церковных погромов, массового закрытия церквей и преследования духовенства начался трудный и постепенный процесс нормализации отношений с православной церковью. В первый же день войны глава Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий, обратившись к своей пастве, благословил всех православных на защиту Родины: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг» [1; 45–46].

Поддержка армии и государства Русской православной церковью не ограничивалась проповедями и благословением на борьбу с оккупантами. Так, в январе 1943 года глава Церкви призвал к пожертвованиям на танковую колонну имени Дмитрия Донского, в стороне от этого дела не осталось ни одного храма, ни одной церковной общины. Государство, в свою очередь, постепенно меняло политику в отношении церкви: не препятствовало верующим отмечать церковные праздники, не закрывало более православные храмы и приходы. 4 сентября 1943 года в Кремле Сталин встретился с иерархами Русской православной церкви, пойдя навстречу в решении важных вопросов церковной жизни: об избрании па-

триарха, открытии храмов и духовных учебных заведений, возобновлении церковных изданий, снятии ограничений на деятельность религиозных общин и расширении прав духовенства.

Для взаимодействия правительства и Церкви при Совнаркоме СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви. В сентябре 1943 года был образован Священный синод, а митрополит Сергий избран Патриархом Московским и всея Руси. Был освобожден ряд находившихся в заключении священнослужителей. По словам митрополита Иоанна, Stalin, высоко отзовавшись о патриотической деятельности православной церкви, настолько положительно и радикально решил все вопросы, что это принципиально изменило положение православия в СССР [9; 81]. Происходила определенная нормализация отношений и с рядом других конфессий.

В целом элементы трансформации идеологии выполнили свою задачу, обеспечив мобилизацию народа на сопротивление агрессору, достаточно прочное единство фронта и тыла даже в самый трудный период войны, когда ни огромные потери, ни временные поражения не смогли поколебать доверие народа к власти. Уже после войны в выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 года Stalin признал, что у правительства было немало ошибок и моментов отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда армия отступала, но «доверие русского народа к советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом» [2; 196–197].

Чрезвычайно важное значение имели развитые институты контроля над армией и обществом, которых и в помине не было у царской власти. Речь идет об идеого-пропагандистских институтах (партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций, в армии – сначала комиссары, позже – политработники, органы госбезопасности, они же карательные институты). Правительственные установки с самого начала войны переводились в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые обычно формулировались И. В. Сталиным и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу – до каждого гражданина. «Наше дело правое, – победа будет за нами!» – это убеждало народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушало уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа – на разгром врага!», «Все для фронта, все для победы» – эти лозунги были смыслом мобилизации народа в советском тылу. Лозунг «Смерть немецким оккупантам» был установлен для бойцов Красной армии. Особую роль играли лозунги-символы, призванные внедрить в сознание советских людей ключевые ценности и модели поведения: «За Родину! За Сталина!», «Смерть немецким оккупантам!».

Основным механизмом внедрения идеологических формул в массовое армейское сознание

являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая как корректировать действия политico-пропагандистского аппарата, так и устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения. И здесь политические органы тесно взаимодействовали с карательными – СМЕРШем, Особым отделом, военным трибуналом и т. д.

Особое значение имела пропаганда примеров героического поведения. Обращение к ним, целенаправленно представляя их как образец для массового подражания – важный момент в поддержании духа войск. Беспредентной была роль государства в формировании символов [12; 126–127], которая оказалась столь действенной и эффективной, а совокупность сформированных символов – объективно необходимой и адекватной стоявшим на разных этапах войны задачам. Учитывая, что интересы государства и народа, системы и общества в этот период совпадали в основном, можно считать, что пропагандистская машина обслуживала прежде всего национально-государственные интересы. Вместе с тем нужно различать вопрос о функционально-прикладной эффективности героических символов и «корректности» механизмов их формирования. Созданные во время войны символы представляли собой сочетание подлинных событий, отраженных в «зеркале пропаганды». Органы пропаганды отбирали и шлифовали факты, создавая символы как отвлеченно-обобщенные примеры для подражания. Только единичные имена могут врезаться в память миллионов, став образцом. Но героями становились сотни тысяч людей, безымянные могилы которых затерялись на просторах России и других стран.

Идеологический фактор в войне не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние войск (см. подробнее [14]). Идеология формировала фундаментальные мировоззренческие установки, тогда как пропаганда обеспечивала морально-психологическую мобилизацию на борьбу с врагом, обращалась к чувствам людей, к образному мышлению, предъявляла образцы поведения для массового подражания на фронте и в тылу. Смертельная опасность привела в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самопожертвованию во имя спасения своей страны. Феноменальным явлением в истории стал массовый героизм, который проявляли не сотни и тысячи, а миллионы людей. Героическим был не только воинский подвиг на фронтах, но и самоотверженный труд людей в тылу.

Вероятно, только кумулятивный эффект от взаимодействия мобилизующей советской идеологии, мощного пропагандистского воздействия и мобилизационного потенциала психологии народа мог спасти страну в почти безнадежной, катастрофической ситуации начала войны, помог выстоять в многолетнем противостоянии чрезвычайно сильному, беспощадному и фанатичному врагу. При этом идеология претерпела резкую трансформацию, отодвинув на задний план классово-космополитические установки и переориентировавшись на национально-государственные, патриотические.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №11-01-00363а.

ИСТОЧНИКИ

1. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1995. 744 с.
2. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1952. 207 с.
3. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница МГ, 2000. 496 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1984. 430 с.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 4. М.: Наука, 1999. 368 с.
6. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Военное изд-во, 1993. 368 с.
7. Кузьмичев А. П. Советская гвардия. М.: Воениздат, 1969. 352 с.
8. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945. Факты и документы. М.: Олма-пресс, 2001. 478 с.
9. Полководцы: Сборник. М.: Роман-газета, 1995.
10. Сенявская Е. С. Предчувствия и реалии войны: массовое сознание в СССР до и после 22 июня 1941 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 2(20). С. 18–28.
11. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
12. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
13. Сенявский А. С. Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность и элементы трансформации // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. Вип. 6. Київ, 2002. С. 16–19.
14. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Идеология войны и психология народа // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 122–235.